

1934г.

500

Узбекский театр

ТРИ СВИДАНИЯ С ХАМИТ

Мих. ИЛЬИН

1

Щелеобразный переулочек уводит в хаос глиняных оград, тяжелых ворот и тупиков старого Ташкента. Плоские крыши. Кованые медные кольца дверей. Искусная резьба на замках. По деревянному желобу резко течет вода. Через отверстие в стене она уходит в сад, и оттуда слышно ее невнятное бормотание по камням. Переулочек впадает в маленькую площадь. Лавченка сапожника, лоток фруктовщика — и снова глина, глина.

Невысокий, приземистый минарет с бирюзовым ожерельем на горле поднимается из-за стены. Я открываю калитку и вижу водоем, окруженный скамьями. Зеленые плиты ступеней спускаются к воде. На веранде бывшей мечети, под варварски пестрым потолком постелены ковры и паласы, дымится огромный самовар, вытянулись ряды пузатых чайников. Вокруг лакированных подносов с пиалами мечтательно

Засл. арт. Максума Ханум Кариева. Театр им. Хамза (Ташкент)

и Таксымова, Хамит

Хамит Таксымова

возлежат члены клуба кожевников. Горсточка урюка, жареный миндаль, выцветшие карамельки высятся перед ними. Из глубины сада вырываются слабые выстрелы. Там тир.

Шпалеры плакатов Райкомвуза, электротехникума, текстильной школы, прибитые к акациям, провожают к длинному сараю. К стойкам и пирамидам прислонены ружья.

У барьера целится мальчуган. Он высунул розовый язык и щурит глаз. Рампа освещает мишени.

Какой неожиданный ландшафт! Тирольская деревушка с водопадом, церковью и веселыми черепичными крышами над чистенькими домиками. У подножья горы — туннель. Железнодорожное полотно огибает деревушку и скрывается за башней с часами. На переднем плане, горделиво подняв руку, застыл в почтительном приветствии красноружий фашист со свастикой на груди. Справа от него, выставив как регалию красный нос, стоит генерал. Лицо его бессмысленно, локоть оперт на эфес шапки, обтянутой императорскими российскими цветами.

Лиловый свет ramпы освещает это необычное зрелище, и крашеная лампочка зажигает синим искрометным огнем стекляшку перстня на пальце фашиста.

Раздается выстрел. Мальчишка ждет. Он ждет секунду, не более, но фигуры в тире молчат и вокруг раздается веселый смех. Смеются зрители и любопытные.

— Хамит, Хамит! — слышу я. Острая волна ленжатовской «Магнолии» наполняет сарай. Стриженная молодая узбечка пробирается к барьеру с теннисной ракеткой в руке. Она перенимает ружье у неудачливого стрелка, заряжает его и целится. Жесты решительны и свободны, как у московской метростроевки, месткомщицы или журналистки. Как далек от этой женщины типично несмелый шаг большинства ее соотечественниц!

Раз. Два. Три. Четыре. Пять... Пять слабых выстрелов один за другим. Дуло почти незаметно ходит перед узбечкой. Ноги в шелковых носках и туфлях на венском каблучке стоят плотно и уверенно.

Тирольская идиллия нарушена. Пронзительно стонет носатый генерал, хватаясь за бока, раскалывается надвое фашист со свастикой, и между его плеч встает фигура капиталиста. Рушится навзничь дерево, бьют часы на башне, паровоз выскакивает из туннеля и обегает сторожевую будку. Все это звенит, скрипит, грохает, ухает, — механический тир показывает, на что он способен в умелых руках. Суматоха продолжается с полминуты, затем механизмы приходят в порядок.

Женщина отставляет ружье. Она несколько не смущена водами одобрения. Она берет за плечи мальчишку, стрелявшего перед ней, и учит его целиться. Она прижимает его щеку к прикладу и показывает, как спускать курок плавно и без волнения.

Я представляюсь начальнику тира — широкоплечему молодому украинцу — и спрашиваю о женщине.

— Хамит? Лучший тюльпан в нашем стрелковом цветнике. Шесть лет работала в шорной мастерской, сейчас учится. Ворошиловский стрелок Хамит Таксымова. Сорок шесть очков из пятидесяти возможных.

В саду вспыхивают электрические шары. Карагачи и акации протягивают к ним зеленые лапы. Запах жареного лука и баранины ползет из столовой, — в клубе варят ужин для ударников кожзавода. Начальник тира с неприятной витиеватостью говорит об успехах стрелкового кружка кожевников.